

Москва
Театр усадьбы
"Архангельское"

Архангельское зазвучало почти ангельски

Первое представление в усадебном театре XIX века

Кашшерантъ - 2003. - 29 сент. - с. 22.

реставрация театр

Завершились основные восстановительные работы в знаменитом театре усадьбы Архангельское, построенном в начале XIX века архитектором и сценографом Пьетро Гонзага. По такому случаю на сцене театра французский ансамбль Le Poeme Harmonique исполнял испанскую и итальянскую музыку XVII века. К акустике отреставрированного зала прислушивался СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Перед концертом выступили директор Русского фонда старинной музыки Марк де Мони и директор самого музея-усадьбы Владимир Длугач. Господин де Мони смотрелся именинником. Сама идея старинной музыки в Архангельском подогревалась именно им, а французские исполнители завернули в усадьбу по дороге с питерского фестиваля EARLYMUSIC, который возглавляется опять-таки им же. Что же до Владимира Длугача, то он с видом человека, умученного аврами, истериками и прочими спутниками действительно титанических восстановительных работ, несколько механически в очередной раз сказал о том, как отраднo, что театр Гонзага приведен в приличное состояние и что в этот вечер все

Впервые за долгое время театр в Архангельском населили не только призраки, но и живые зрители ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

когда-то звучала. Да неужто прямо вот так и звучала? Эта самая музыка, написанная за полтора века до постройки театра? Впрочем, простим директору эту оплошность: на его лице читалось такое утомление и такое острое ощущение исключительности момента, что трудно было испытывать что-то, кроме сочувствия и еще все-таки благодарности.

Господин Длугач уточнил, что закончено только восстановление архитектурной части и потребуются еще почти год, чтобы полностью приспособить

ранее концертной площадки. Это приспособление — тоже процедура не из банальных, поскольку нужно не только покоррекнее оборудовать здание всеми удобствами и отделать интерьер, но и восстановить аутентичную машинерию, сделать приближенную к славному прошлому систему освещения и так далее. В роли консультанта уже отметился шотландец Йен Макинтош, на зубок знающий все семь сохранившихся в мире в историческом виде старинных усадебных театров.

рым теперь мыслит себя причисленным и театр Гонзага.

Окончательное открытие ждет театр в июне-июле будущего года. А покамест он по мысли музейного руководства должен начинать потихоньку становиться площадкой для концертов старинной музыки. Поначалу, правда, ожидалось не совсем потихоньку — с тем же Марком де Мони шли переговоры о создании в Архангельском собственного фестиваля, Gonzaga EARLYMUSIC Fest, и о показе на сцене театра уже этой осенью комической оперы Паизиелло «Мнимые философы» (копродукции петербургского EARLYMUSIC и Утрехтского фестиваля). И обо всем было договорились, только финансирование подкачало, в результате чего первоначальные замыслы и сменились более камерным проектом.

Французская земля коллективами, претендующими на высокое звание HIP (historically informed performers), богата. Le Poeme Harmonique из них отнюдь не первый, но и не последний. Во всяком случае, критика и пресса записи ансамбля удостоивали весьма престижных отличий, среди которых премии Diapason d'Or и Choix de Musique. В Архангельское музыканты приехали в камерном составе: Венсан Дюместре, руководи-

лутневых и барочной гитаре, Кристин Плюбо (виола да гамба), ударник Жоэль Грар и вокалистка Клэр Лефиллятр. Даже в полностью оголенной сценической коробке театра они нисколько не терялись, напротив, зрелище получалось колоритнейшее: фантастическая выверенность пропорций сцены, изумляющая даже без всяких декораций, целомудренно белые стены, одна-единственная расписная кулиса работы самого Гонзага посередине — и на этом фоне живописно усевшиеся музыканты. Живописность этой композиции, как и аудиоудовольствие от исполнявшихся мелодий, особенно выиграла благодаря Клэр Лефиллятр, статной и весьма сценичной красавице. Волосы как вороново крыло, алое платье — да что там платье, что там волосы! — все затмевалось изысканной жесткостью, как будто сошедшей с иллюстраций старинных трактатов по риторике и сценическому мастерству. Сам вокал, правда, оставлял менее блистательное впечатление. Голос глуховатый, небольшой, бедный обертонами, но сильный; безусловно обаятельный, но ничуть не потерявший бы в том случае, если бы певица не так отчаянно подражала знаменитой Монсеррат Фигерас, свирле и вдох-

авторитетнейшего мэтра южно-европейского аутентизма.

Кстати, стилистика, присущая исполнительству Жорди Саваллы и его ансамбля Hesperion XXI, отчетливо узнавалась в манере остальных исполнителей, и даже, более того, в том репертуаре, который они привезли на концерт. Это были, с одной стороны, рафинированные придворные арии, с другой — простонародные танцы, тоже прошедшие обработку в руках придворных музыкантов Италии и Испании. Хотя довольно комнатные звуки двух инструментов, исполнявших эту в большинстве своем меланхоличную и созерцательную музыку, раздавались во всем пространстве театра совершенно отчетливо, публика все никак не могла привыкнуть к длинным (куда более длинным, чем в случае современных инструментов) паузам на настройку, зачастую являющаяся звуки настраиваемых инструментов и звуки исполняемых мелодий. Тем не менее на испанских придворных танцах (особенно на анонимной «асага»), сопровождаемых пламенными гитарными переборами и звуками кастаньет, оттаял все — и неуверенные были в своем наслаждении зрители, и руководство музея, и, кажется, сами стены непривычного ко всем

29.9.03